

КНИГА 1

6+

ОТВАЖНАЯ СЕМЁРКА

и призрак старой пристани



ДМИТРИЙ ТАЙНОВ

Дмитрий Тайнов

**ОТВАЖНАЯ СЕМЁРКА и
призрак старой пристани**

«Автор»

2026

Тайнов Д.

ОТВАЖНАЯ СЕМЁРКА и призрак старой пристани /
Д. Тайнов — «Автор», 2026

Семь старых фонарей. Запертый склад. И кто-то в белом, кто каждую ночь ходит по пристани. Из запертого склада на старой пристани исчезают старинные фонари. Их семь, и раз в год их зажигают на празднике «Семь огней». До праздника шесть дней, а фонарей осталось три. Замок цел, окно забрано решёткой — и по посёлку уже ходит призрак в белом. Взрослые верят в призрака. Клуб «Отважная семёрка» — шестеро ребят и такса Бублик — верит уликам: гипсовому фонарю под золотой краской, газете с прошлогодней датой в дне фонаря, оранжевой верёвке с узлом-восьмёркой. Ребятам придётся заночевать на пристани, застрять в запертой башне, поссориться так, что хоть клуб закрывай, — и решить главное: кому верить. Тому, кто всех угощает сухарями и всем улыбается, или старому ворчуну, которому не верит никто? Все улики лежат на страницах: разгадку можно вычислить самому, раньше героев. Для читателей 7–11 лет и для тех, кто читает вслух.

© Тайнов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пароль	5
Глава 2. Шесть вместо семи	10
Глава 3. Список подозреваемых	15
Глава 4. Кто вяжет восьмёрки	21
Глава 5. Водокачка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Тайнов

ОТВАЖНАЯ СЕМЁРКА и призрак старой пристани

Глава 1. Пароль

— Стой! Кто идёт?

Поля выставила перед собой фонарик, как меч. Рука дрожала, и жёлтый кружок света прыгал по траве.

Из темноты выскочило что-то маленькое, лохматое и с разбегу ткнулось носом ей в коленку.

— Бублик! — Поля чуть не села в крапиву. — Ты зачем так подкрадываешься? У меня же сердце!

Сердце у Поли действительно прыгнуло, как лягушка, и никак не хотело прыгать обратно.

Бублик в ответ застучал хвостом по доскам сарая. Стучал он громко, будто кто-то молотил в дверь маленьким молотком.

— Тише ты! — зашипела Поля. — Это же секрет!

Бублик не умел хранить секреты. Бублик умел хранить только сухари, и то недолго.

Поля оглянулась. За её спиной лежал тёмный двор, за двором — тёмная улица, за улицей — тёмная река. Над рекой висела огромная луна, круглая, как блюдце, которое забыли убрать со стола.

Поля не любила темноту. Поля вообще не любила вещи, которые нельзя потрогать руками: темноту, гром, скрип и всякие там шорохи. Но в клубе «Отважная семёрка» она состояла уже второй год. А в клубе было правило: если струсил — скажи об этом вслух. Тогда стыдно не будет.

Она потопталась на месте и сказала вслух, шёпотом:

— Я немножко боюсь. Вот.

Стало легче.

Поля подошла к двери сарая и постучала: тук-тук... тук... тук-тук.

Два коротких, один длинный, два коротких. Секретный стук клуба.

За дверью зашептались, завозились, что-то упало и покатилося.

— Пароль, — сказал из-за двери голос Гриши.

— Семь огней! — ответила Поля.

— Восьмого не бывает!

Дверь открылась ровно на ширину носа. В щели показался глаз, потом второй глаз, потом весь Гриша — в очках, с отвёрткой за ухом и с верёвкой на плече, как у настоящего матроса.

— Ты опоздала на четыре минуты, — сказал он. — Я уже начал волноваться. У меня и пластырь был готов.

— Зачем пластырь?

— На всякий случай. Мало ли.

Гриша всегда носил с собой пластырь. И верёвку. И нож. И сухари. И запасной шнурок. У него в карманах было больше вещей, чем в ином чемодане.

Поля шагнула внутрь, и Бублик проскочил у неё между ногами, как толстая серая колбаса.

В сарае пахло опилками, керосином и чуть-чуть — печеньем.

Керосином пахло потому, что в углу стояла старая лампа, которую Пал Палыч отдал клубу. А печеньем — потому что кто-то опять принёс печенье, и Бублик уже сидел под столом и делал вид, что он тут ни при чём.

Выглядел сарай так. Вдоль стены — полка с банками, в которых лежали гвозди, шурупы и всякая нужная дрянь. В центре — большой стол, сколоченный из старых досок. Вокруг стола — шесть разнокалиберных стульев: три настоящих, два садовых и один перевёрнутый ящик. На стене висела жестяная вывеска, которую Тимка нарисовал сам. На вывеске было написано:

«ТАЙНЫЙ КЛУБ "ОТВАЖНАЯ СЕМЁРКА".

ВХОДИТЬ ТОЛЬКО СВОИМ.

ПОСТОРОННИМ НЕ ВХОДИТЬ.

ЭТО КАСАЕТСЯ ТЕБЯ.»

А на двери снаружи, с самого верха, была нарисована цифра «7». Большая, кривая, белой краской. Её нарисовал Тимка два года назад, и с тех пор она стала как бы адресом клуба.

— Наконец-то, — сказала Маша. — Садись. Мы как раз спорим.

Маша Ветрова сидела в самом центре, на самом высоком стуле. У неё были рыжие косички, которые торчали в разные стороны, как две антенны, и веснушки, которых было примерно тысяча. На локте — свежий пластырь. У Маши всегда где-нибудь был свежий пластырь.

Рядом с ней, развалившись, сидел Лёшка. Он был самый старший — двенадцать лет — и самый длинный. Ноги у него торчали из-под стола, как две жерди, а шнурки были развязаны, и это было нормально, потому что шнурки у Лёшки были развязаны всегда, даже когда он стоял.

На ящике у окна примостилась Вера. Она крутила на пальце резинку для волос и смотрела в окно, но это не значило, что она не слушает. Вера всегда всё слышала. Вера вообще всё делала быстрее всех.

Тимка сидел на подоконнике с блокнотом в руках. У него за ухом торчал карандаш, а на пальцах была зелёная краска, которой он, видимо, только что что-то покрасил.

А на самом краешке стула, положив руки на колени, сидел Севка. Севка молчал. Севка почти всегда молчал. Зато он глядел на всех сразу, и было видно, что он считает.

Он и правда считал. Севка всё время что-нибудь считал: сколько камней на дороге, сколько ступенек на крыльце, сколько ворон сидит на проводе. Это не мешало ему думать. Наоборот — помогало.

— Итак, — сказала Маша и три раза стукнула ложкой по кружке. — Собрание клуба «Отважная семёрка» объявляется открытым. Проверка значков!

Все полезли за воротники.

У каждого на шнурке висел значок — жестяная семёрка, вырезанная из консервной банки. Их делал Гриша, и все они были немножко разные, потому что жестянки попадались разные. Но шнурки у всех были разного цвета, чтобы не путать: у Маши — красный, у Тимки — зелёный, у Лёшки — синий, у Поли — жёлтый, у Гриши — коричневый, у Веры — оранжевый, у Севки — чёрный.

— У меня значок, — сказала Поля.

— У меня, — сказала Вера.

— У меня, — сказал Лёшка. — Хотя, если честно, мы уже второй год проверяем значки, которые никогда не терялись. Это, по-моему, лишнее.

— Это ритуал, — строго сказала Маша. — Без ритуалов клуб — просто кучка народу в сарае.

— Мы и есть кучка народу в сарае.

— Леша!

— Молчу-молчу.

Бублик под столом громко вздохнул. Он тоже считал себя членом клуба, но значок ему не давали, потому что он его съел. В прошлом году. Вместе со шнурком.

— Дальше, — сказала Маша. — По кругу: факт, вопрос, идея. Начинаем с меня. Факт: до конца каникул осталось девять дней.

— Ага, — сказал Тимка. — То есть я не успею построить подводную лодку.

— Ты уже третий год её строишь, — сказала Вера.

— Вот именно! Мне нужен ещё один год. Может, два.

— Вопрос, — продолжала Маша. — Чем мы займёмся в последние девять дней? Идея: я предлагаю настоящую экспедицию. С ночёвкой. На тот берег, к старой мельнице.

— Там комары, — сказал Гриша.

— Комары — это часть природы.

— Комары — это комары, — сказал Гриша.

— Теперь ты, Тимка.

Тимка вскочил с подоконника так резко, что с него слетел карандаш.

— А что если сделать катапульту? — сказал он быстро. — Настоящую. Из дерева и велосипедных камер. Мы бы могли запускать через реку яблоки. Или записки. Или...

— Или яблоко в чью-нибудь голову, — сказал Лёшка.

— Это если неправильно прицелиться.

— Ты целишься неправильно всегда.

— Лёшка! — Маша стукнула ложкой. — Это не спор, это разбор. Тимка, идею записала. Следующий.

— Факт, — сказал Лёшка, откидываясь назад. — Мы второй год заседаем в сарае, строим планы и ни разу не распутали ни одного настоящего дела. Вопрос: сколько можно? Идея: давайте признаем, что мы не сыщики, а кружок по интересам.

В сарае стало тихо.

— Это не идея, — сказала Маша. — Это грусть.

— Это правда.

Вера перестала крутить резинку.

— Ясно, — сказала она коротко. — Моя очередь. Факт: я сегодня обогнала Тимкиного брата на велосипеде. Вопрос: почему у него скрипит цепь и он об этом не думает? Идея: давайте бегать по утрам. Все вместе. В шесть.

— В шесть утра? — ужаснулась Поля.

— В шесть утра, — подтвердила Вера. — Это лучший воздух.

— В шесть утра воздух — это сон, — сказал Гриша. — Всякий нормальный воздух в это время спит.

Дошла очередь до Поли. Она сжала фонарик и сказала:

— Факт... факт: у меня села батарейка в фонарике, а запасной нет.

— Это не факт, — сказал Тимка. — Это катастрофа.

— Это факт!

— Поля, продолжай по форме, — сказала Маша.

— Вопрос: а если что-нибудь случится, как мы узнаем, если все спят? Идея... идея: надо, чтобы у клуба был дежурный. Кто-то один. С фонариком. По очереди.

Лёшка хмыкнул:

— Дежурный, который будет ходить вокруг сарая и охранять компот.

— Ну и что! — обиделась Поля. — Компот тоже надо охранять!

Бублик в это время вылез из-под стола, уселся Поле на ногу и начал вылизывать её кроссовку. Поля замерла и не стала его сгонять, потому что Бублик на ногу садился только к тем, кого любит.

— Гриша, — сказала Маша. — Твоя очередь.

Гриша встал, проверил карманы и начал перечислять:

— Факт: в клубе есть две лишние банки с шурупами, и я их давно хочу поменять на что-нибудь полезное. Вопрос: куда девать коробку от холодильника, которая стоит за сараем? Идея: я её разберу и построю полку. Тогда у нас всё будет на полках. Всё. У каждого будет своя полка. И будет порядок.

— Какая полка, Гриша? — спросила Вера. — Мы не про полки.

— Порядок нужен везде, — сказал Гриша с достоинством.

Последним был Севка. Он подождал, пока все повернутся к нему, и сказал тихо:

— Факт: в сарае двадцать три шурупа на полке. Было двадцать четыре.

— Один ты взял, — сказал Гриша. — На значок.

— Ты взял два, — сказал Севка. — Один остался в кармане.

Гриша покраснел и промолчал.

— Вопрос, — сказал Севка. — Почему все идут вверх по реке, а никто не смотрит вниз?

Все хором обернулись к нему.

— В смысле? — не поняла Маша.

Севка пожал плечами.

— Просто вопрос. Я его уже три дня думаю.

— Ну и ладно, — сказала Маша. — Идею запишу.

«Посмотреть вниз по реке». Итак...

Тут в дверь постучали.

Все замерли.

Стук был: тук-тук... тук... тук-тук.

— Это Пал Палыч, — сказала Поля.

— Это может быть кто угодно, — прошипел Лёшка. — Вор тоже может подслушать.

— Вор-Пал-Палыч, — фыркнула Вера.

Дверь приоткрылась, и в сарай всунулся Пал Палыч — весь целиком: борода, кепка, огромные руки и пирог в бумажном полотенце.

— Пароль помню, — сказал он. — Семь огней, восьмого не бывает. Пустите старого человека?

— Входите, — сказала Маша важно. — Вы почётный член.

— Я не почётный, я просто хороший, — сказал Пал Палыч и поставил пирог на стол. — С капустой. Остыл немножко. Бублику — маленький кусочек, и не больше.

Бублик уже сидел у стола и глядел на Пал Палыча так преданно, будто готов был за него сражаться с медведем.

— Ну что, — сказал Пал Палыч, усаживаясь на ящик. — Что у вас тут? Планы строим?

— Строим, — сказала Маша. — Только пока не очень получается.

— Это как всегда.

Пал Палыч отрезал пирог. Поля смотрела на него, потом на пирог, потом опять на него.

— Пал Палыч, а вы пришли просто так или по делу? — спросила она.

— Просто так.

— А зачем вы тогда всё время глядите в сторону пристани?

Пал Палыч поправил кепку.

— А. Это я машинально, — сказал он. — Просто у нас тут неприятность. Из склада пропал фонарь.

— Фонарь? — переспросил Тимка.

— Керосиновый. Из тех семи, что для праздника. — Пал Палыч вздохнул. — Митрич утром пришёл, пересчитал — нет одного. Говорит, сам ушёл. Ну, как ушёл. Склад-то заперт.

— Заперт? — сказал Лёшка. — Снаружи?

— Снаружи. Замок висит, всё как надо.

Вера перестала крутить резинку.

— В смысле, заперт и пропал? — сказала она. — Так не бывает.

— Вот и я говорю. Вот и я говорю, — повторил Пал Палыч. — Ну, может, завалился куда. Или Митрич в прошлом году не тот фонарь убрал. Он старый... — Пал Палыч на секунду замолчал. — В общем, до субботы надо все семь на тропе выставить. Семь огней. Не пять и не четыре. Семь.

— А что будет в субботу? — спросила Поля.

— Праздник. Последняя суббота августа. Мы зажигаем фонари по всей прибрежной тропе от склада до старого моста. Семь штук. Старый обычай. Кто первый раз видит, тот потом всю жизнь помнит.

Пал Палыч поднялся.

— Ладно, сидите. Мне ещё надо эту рыбу доставить, пока она окончательно не перестала быть рыбой.

Он вышел. Дверь закрылась.

В сарае все молчали и смотрели на стол.

— Фонарь, — сказала Вера. — Запертый склад. Пропал.

— Совпадение, — сказал Лёшка.

— Один фонарь — это не дело, — сказала Маша. — Это недоразумение. Вот если бы пропало два...

Севка поднял голову.

— Два и пропало, — сказал он.

Все уставились на него.

— Как два? — сказала Маша.

— На складе стоит шесть фонарей, — сказал Севка. — Я утром ходил с Пал Палычем, пока он лодку чинил. Считал. Стоит шесть. Должно быть семь.

— Ты посчитал неправильно, — сказал Лёшка.

— Я два раза сходил. Первый раз — шесть. Второй раз — шесть.

— Ну, значит, Пал Палыч один куда-то переставил.

— Он сказал «пропал один», — сказал Севка. — Про второй он не сказал.

Стало очень тихо. Даже Бублик перестал стучать хвостом.

— То есть, — медленно сказала Маша, — Пал Палыч или не знает про второй, или...

Она не договорила.

А Бублик вдруг поднял уши, повернул голову к двери и зарычал — тихо, коротко, из самой груди. Так он делал только тогда, когда за дверью стоял кто-то чужой.

Глава 2. Шесть вместо семи

За дверью никого не оказалось.

Совсем никого. Только трава, луна и тень от сарая, длинная, как язык великана.

Бублик вылетел наружу, обежал двор, обнюхал угол, залаял три раза подряд — он всегда лаял три раза, никогда по одному, — и вернулся с гордым видом: мол, я всех прогнал, можете благодарить.

— Ну и кого ты прогнал? — спросил Лёшка.

Бублик посмотрел на него и вильнул хвостом.

— Никого он не прогнал, — сказала Вера. — Там никого не было.

— Тогда чего он рычал?

— Может, ежа услышал.

— Ежи не стоят за дверью и не подслушивают.

— Ты не проверял, — сказала Вера.

Маша вышла во двор и обошла сарай по кругу, светя фонариком в траву. Трава была примята у самого порога. Не сильно. Так, будто кто-то стоял здесь и переступал с ноги на ногу, а потом ушёл.

— Кто-то слушал, — сказала она.

— Совпадение, — сказал Лёшка.

— Лёшка, если бы ты упал в реку, ты бы сказал «совпадение».

— Если бы я упал в реку, я бы сказал «холодно».

— Спать, — сказала Маша. — Завтра в девять у склада. Всем. Без опозданий.

— В девять я завтракаю, — сказал Гриша.

— В девять ты уже позавтракал.

— В девять я завтракаю второй раз.

— В девять.

На том и разошлись.

Домой Поля шла бегом. Не потому, что боялась. Ну, то есть потому, что боялась. Но бежала она очень храбро.

Утром над Сосновкой было такое солнце, что все лужи на дороге высохли, а на реке стоял белый туман. Он лежал на воде, как молоко в блюде, и в нём тонули лодки, привязанные к мосткам.

Пристань в Сосновке была старенькая, но важная. Длинные мостки, три столба с фонарями, дощатый навес, лодочная станция, а в конце — сарай. Тот самый склад.

Ребята пришли раньше всех. Даже Гриша. Правда, Гриша пришёл с бутербродом.

— Это не второй завтрак, — сказал он честно. — Это половина второго завтрака.

У склада стоял Митрич.

Митрич был старый, как сама пристань. У него было лицо, собранное из морщин, седые усы, которые торчали в стороны, как усы таракана, и такие большие руки, что в них можно было унести сразу двух кошек.

Митрич никого не любил. Митрич ворчал с утра до вечера. Митрич гонял ребят от воды, ругал мальчишек за крик, ругал девчонок за визг, а по праздникам раздавал всем яблоки из ящика и делал вид, что это вышло случайно.

Сейчас он стоял и смотрел на замок.

— Здрасьте, — сказала Маша.

— Не здрастьте, а явились, — сказал Митрич. — Чего надо?

— Мы по делу. Нам Пал Палыч сказал, у вас тут фонарь пропал.

— Пропал, — сказал Митрич. — Пропал. А вам-то что?

— Мы клуб, — сказала Поля. — Мы расследуем.

Митрич посмотрел на неё сверху вниз.

— Сколько тебе лет?

— Девять.

— Вот в девять лет надо в реке купаться, а не в чужие дела лезть.

— А в вас сколько лет? — не растерялась Поля. — И ничего, вы же лезете.

Митрич крикнул. Потом достал из-за ящика мешок яблок и поставил на землю.

— Ешьте, — сказал он сердито. — Всё равно эти червивые.

Яблоки были отличные. Ребята так и сказали. Митрич сказал «тьфу» и отвернулся.

— Расскажите, — сказала Маша. — Пожалуйста.

Митрич помолчал, потом сел на ящик.

— В понедельник я их пересчитал, — сказал он. — Семь. Все на крюках, все с керосином, всё как положено. Во вторник утром прихожу — пять. Два крюка пустых.

— А дверь?

— Заперта. Ключ у меня. Я его даже во сне в кармане держу.

— А окно?

— Окно с решёткой. Гвозди дедовские. — Митрич кивнул на стену склада. — Не вле-
зешь.

— А второе окно? — спросил Севка.

Митрич поглядел на него.

— Какое второе окно?

— Маленькое, под самой крышей. Вон там, сбоку. Оно без решётки.

Все посмотрели вверх. Действительно, под крышей было маленькое окошко. Такое маленькое, что в него и кошка не пролезет. Ну, может, тощая кошка. Очень решительная.

— Оно два года не открывалось, — сказал Митрич.

— Я посчитал, — сказал Севка.

— Что ты посчитал?

— Крюки. И фонари. И всё остальное.

Митрич снова крикнул. И тут — уже второй раз за утро — достал из кармана ещё два яблока, хотя мешок стоял на земле.

— Станный ты, — сказал он Севке.

— Я знаю, — сказал Севка.

Потом Митрич ушёл к мосткам проверять сети, а ребята остались у двери склада.

Склад был старый, дощатый, кривой, с крышей, обшитой битумом. Когда-то здесь хранили сети, снасти, мешки с солью, а теперь — разную мелочь для пристани. Внутри пахло смолой, старым деревом и чуть-чуть рыбой. Пахло так, как пахнет всё старое и нужное.

— Так, — сказала Маша. — Митрич ушёл. Надо посмотреть.

— Надо сначала спросить разрешение, — сказал Гриша.

— Спросим потом.

— Маша, это как-то неправильно.

— Гриша, у нас есть план.

— Какой?

— У меня есть план, — повторила Маша. — Пока без деталей.

— У тебя всегда без деталей, — сказал Лёшка.

— Зато у меня есть план.

Дверь открылась не сразу. Замок был большой, железный, тяжёлый. Ключ Митрич, конечно, не дал бы, но Гриша неслышно вытащил из кармана штучку, которую он называл «помощником», и повозился с петлёй.

— Ты умеешь вскрывать замки? — удивился Тимка.

— Я умею аккуратно обращаться с механизмами, — сказал Гриша с достоинством. — Это разное.

— Это одинаковое, но звучит красивее, — сказал Лёшка.

Дверь со скрипом открылась. Скрип был такой длинный и жалобный, что Бублик укоризненно посмотрел на неё и твякнул.

— Ты чего? — спросила Поля.

— Он говорит: «Смазать надо», — сказал Тимка.

Внутри было темно и прохладно.

Свет падал только из одного окна с решёткой. В этом свете танцевали пылинки, их было видно, как мух в компоте. На стене тянулись крюки — семь толстых железных крюков.

На шести висели фонари.

Они были красивые. По-настоящему. Такие фонари сейчас не делают: железный каркас, стекло, керосиновая чашка внутри, дверца с крошечной ручкой, а сверху — кольцо, чтобы носить.

Поля задрала голову и очень тихо сказала:

— Ой.

— Вот, — сказала Маша. — Шесть.

Все молчали.

— А седьмой был тут? — спросил Тимка.

— Был, — сказал Севка. — Вон его полка.

Он показал на полку внизу. На полке, в серой пыли, было круглое светлое пятно от фонаря. И вокруг этого пятна тоже кое-что лежало.

— Соль? — сказала Вера.

— Похоже на муку, — сказал Гриша и потянулся.

— Не трогай! — крикнула Маша. — Ты его съешь!

— Я не ем с полок!

— Ты ел с полки в прошлом месяце.

— Это была печенька. Она там стояла без всякого дела.

Тимка уже присел на корточки и смотрел на белый порошок.

— Это не мука, — сказал он. — Мука липнет. И пахнет хлебом. А это не липнет и не пахнет. Смотрите, оно как крошка мела.

— Мел? — сказала Поля. — Зачем тут мел?

— Ни зачем. — Тимка пожал плечами. — Но кто-то им тут что-то пачкал.

— Может, Митрич мел приносил, — сказал Лёшка. — Он всякое под полки кладёт.

— Мело-ом, — протянула Вера. — Скла-ад.

— Я не шучу.

— А зря.

Поля в это время отошла в сторону и наступила на что-то мягкое. Крякнуло, хлопнуло, и в темноте что-то покатилося.

— А-а!

Все подскочили. Тимка включил телефон, Вера схватила Полин рукав, Гриша выхватил перочинный нож, а Бублик выскочил вперёд и залаял.

Это было ведро. Старое, помятое, с водой. Поля наступила на тряпку, тряпка съехала, ведро опрокинулось.

— Всё, — сказала Вера. — Всё. Это ведро.

— Я знаю, что это ведро, — сказала Поля дрожащим голосом.

— У тебя голос дрожит.

— Он не дрожит. Он... низкий.

Бублик, между прочим, немедленно залез в опрокинутое ведро мордой и вытащил оттуда мокрый носок. Чей-то носок, мужской, серый.

Он с достоинством принёс его Маше и положил к её кроссовкам.

— Бублик! — сказала Маша. — Это откуда?

Бублик радостно вильнул хвостом. Мол, я тут ни при чём, но я молодец.

— Это Митрича, — сказал Гриша, рассмотрев носок. — У него на бельевой верёвке такие висят. Я видел.

— Значит, в ведре лежали носки?

— В ведре лежала тряпка. А носок — под ведром.

— Под ведром лежал носок, — повторила Вера. — Всё, клуб, дело раскрыто. Разошлись.

— Вера.

— Что «Вера»? Ну это же смешно.

— Это правда смешно, — согласилась Маша. — Но мы не за носок пришли.

Она медленно обошла склад, глядя на пол. Потом присела и сказала:

— Сюда все.

Маша показала на пыль у стены. В пыли были следы.

Не отпечатки ботинок — в складе было слишком много пыли, и подошвы её смазывали. Но кое-что было видно: дорожка следов шла от двери к полке, от полки снова к двери. И шла она туда-обратно дважды.

— Два раза ходили, — сказал Севка.

— Ну вот, — сказал Лёшка. — Один раз туда, один обратно.

— Два раза туда-обратно, — сказал Севка. — Восемь следов туда, восемь обратно. Ты смотри, вот тут разворот.

Лёшка присел рядом. Прищурился. И ничего не сказал.

— Значит, кто-то унёс два фонаря, — сказала Маша. — Уже тогда. В понедельник ночью.

— А Митрич говорит «пропал один», — сказал Тимка.

— Может, Митрич не знает.

— Или не хочет говорить, — сказала Вера.

Стало тихо. Вера прикусила губу.

— Я не то сказала.

— Ты сказала то, — сказала Маша. — Мы потом разберёмся.

Тимка опять что-то заметил. У окна он остановился и стал смотреть на решётку.

— Смотрите, — сказал он. — Тут гвоздь.

— Их тут сто.

— Нет. Этот новый.

Все взгляделись. В решётке, в самом низу, один из гвоздей был светлый, чистый, блестел, будто его вчера купили в магазине. А все остальные — тёмные, ржавые, с толстыми шляпками.

— Новый гвоздь в старой решётке, — медленно сказал Лёшка. И замолчал.

— Ага, — сказал Тимка. — Уже не совпадение?

Лёшка посмотрел на него, потом на гвоздь, потом на дверь. Было видно, что ему очень хочется сказать

«совпадение», но он не смог.

— Ладно, — сказал он наконец. — Гвоздь новый. Это странно. Но это ничего не доказывает. Может, в прошлом году меняли.

— В прошлом году всё ржавое, — сказал Гриша. — Ржавчина за год так не нарастает. За год — это понимаешь. — Он посмотрел на всех спокойно. — Я понимаю в гвоздях.

— Ты собираешь ржавые гвозди, — сказала Вера.

— Я собираю гвозди. Ржавчина — побочное.

Маша обошла их всех по кругу взглядом, как она делала, когда собиралась сказать что-то важное.

— Так, — сказала она. — Повторяю. У склада есть: замок, который не сломан, окно с решёткой и гвоздь, который новый. И следы, которые ходили дважды. Кто-то, ребята, не влезал сюда. Кто-то сюда входил.

— Кто-то с ключом, — сказал Тимка.

— Или кто-то, кто умеет... спокойно... — начала Маша и осеклась, потому что Бублик вдруг зарычал.

На этот раз он не ошибся.

За дверью склада стоял человек. Его тень лежала на полу, длинная и кривая, и по ней было видно, что человек не двигается. Он просто стоял и ждал, когда дети выйдут.

Дверь отворилась.

— Ну и что вы тут делаете, сыщики?

Дядя Гоша Плетнёв стоял в дверях со своим ларьком за спиной — ярким, жёлто-зелёным, с надписью «СУВЕНИРЫ С РЕКИ». Улыбка у него была широкая, приветливая, зубы — как белая клавиша в старом пианино. В одной руке он держал кулёк, из которого пахло ванилью.

— Здравсьте, — сказала Маша.

— А вам здравсьте, — сказал Гоша. — Дверь-то открыта. Митрич знает, что вы тут?

— Знает, — сказал Гриша.

— Врёшь, — ласково сказал Гоша. — Ну да ладно. Слушайте, у меня для вас сухарики. Ванильные. Внуку везти было, да он не приехал.

Он протянул кулёк. Поля покосилась и ничего не взяла. Вера взяла сухарь, но не стала есть, а сначала понюхала.

Бублик, конечно, взял. Бублик взял всё, что дают, и даже то, что не дают.

— Я так понимаю, — сказал Гоша, — вы про фонари? Про то, что у Митрича воруют? Посёлок у нас маленький, все уже знают.

— А вы что думаете? — спросила Маша.

— Я думаю, что Митрич сам не знает, что у него в складе, — сказал Гоша и покачал головой. — Старый человек. Вот и путается. Может, продал кому. Может, — Гоша понизил голос, — и не воровал никто. Может, оно само пропадает.

— Как это — само? — не поняла Поля.

— А вот так. — Гоша поднял брови. — Тут много чего раньше было. Склад-то старый. Люди говорят, ночью у пристани огонёк ходит.

Поля мгновенно почувствовала, как у неё похолодел затылок.

— Какой огонёк?

— Да всякий. — Гоша ответил не сразу, будто давал ей время подумать. — Мало ли что люди говорят.

— А по-моему, — сказала Маша, — это не огонёк. Это кто-то с фонарём.

Гоша засмеялся — коротко, весело, как будто она сказала что-то очень остроумное.

— А ты у нас прямо сыщик, — сказал он. — Ну, сыщик. Смотри не допрыгайся. Тут вода, доски, всякое.

Он сунул кулёк Грише в руки, развернулся и пошёл к мосткам, напевая под нос.

— Пи-пи-пи, — сказала Вера ему в спину. — Ласковый, как сухарь.

— Может, он и правда добрый, — сказал Гриша.

— Может, — сказала Маша и посмотрела на Бублика. — Только Бублик на него рычал.

Бублик рычал на Гошу. И сейчас он стоял у двери, весь напряжённый, и рычал ещё раз, глухо, из груди.

А Бублик, как все знали, никогда не рычал на хороших людей.

Глава 3. Список подозреваемых

— Так, — сказала Маша. — Все в сарай. Быстро.

— А обед? — спросил Гриша.

— Обед в сарае.

— Это меняет дело.

Они шли по улице гуськом: Маша впереди, за ней Тимка с блокнотом, за Тимкой Лёшка с развязанными шнурками, за Лёшкой Гриша с кульком сухарей, за Гришей Поля и Вера, а Севка замыкал шествие и по дороге считал заборные столбы.

Бублик бежал рядом и по дороге пописал на все столбы, до которых мог дотянуться. До большинства не мог, но старался.

В сарае было душно и пахло нагретым деревом. Маша открыла обе створки двери, встала у стола и хлопнула ладонью.

— Итак. Собрание по делу. — Она вытащила из-под стола большой потрёпанный блокнот. На обложке было написано печатными буквами: «ЖУРНАЛ НАХОДОК». — Тимка, пиши.

— Я всегда пишу, — сказал Тимка и устроился на подоконнике.

— Начнём с того, что мы знаем. Знаем мы вот что. — Маша загибала пальцы. — Первое: из склада пропали два фонаря. Второе: склад заперт, окно с решёткой, в решётке новый гвоздь. Третье: следы ходили туда-обратно дважды. Четвёртое: под полкой, где стоял фонарь, белая крошка, похожая на гипс. Пятое: у пристани по ночам видят огонёк, и люди говорят про призрака.

— Про призрака говорят люди, которые ничего не видели, — сказал Лёшка.

— Про призрака говорят люди, которые боятся, — сказала Поля.

— Это одно и то же.

— Не одно!

— Тише. — Маша подняла руку. — Теперь список. Тимка, пиши список подозреваемых. Тимка перевернул страницу и написал сверху:

«ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ».

— Первый, — сказала Маша. — Митрич.

Все замолчали.

— Ну, потому что у него ключ, — сказала Маша. — И потому что он сказал «пропал один», а пропали два. И потому что он ворчит.

— Ворчит не значит ворует, — сказал Гриша.

— Я не говорю, что он вор. Я говорю: надо проверить.

— Он нам яблоки дал, — сказала Поля тихо.

— Яблоки не оправдание, — сказал Лёшка. — Но и не обвинение.

— Второй, — сказала Маша. — Дядя Гоша.

— О! — Вера подняла палец. — Наконец-то.

— Почему Гоша? — спросил Гриша. — Он сухари дал.

— Он слишком добрый, — сказала Вера. — Знаешь, кто так улыбается? Тот, кто хочет, чтобы его не подозревали.

— Так можно сказать про любого, — возразил Лёшка. — Вон, Пал Палыч тоже добрый.

— Пал Палыч не улыбается, — сказала Вера. — Пал Палыч хмурится. Это честнее.

— Третий, — сказала Маша. — Кто-то чужой. Приезжий. Кто угодно.

— Это не подозреваемый, — сказал Лёшка. — Это

«кто-то».

— Это тоже подозреваемый. Просто мы его не знаем.

— Тогда добавь ещё призрака, — фыркнул Лёшка.
— Добавляй, — сказала Маша спокойно. — Пусть будет.

Тимка аккуратно вывел:

1. Митрич

2. Дядя Гоша

3. Кто-то приезжий

4. Призрак (на всякий случай)

— С призраком глупо, — сказал Лёшка.

— А вдруг? — сказала Поля.

— Поля, призраков не бывает.

— А вдруг?

— Не бывает!

— А если бывает и мы его не написали в список? Тогда что?

Лёшка открыл рот, чтобы ответить, и не нашёл что.

— Ладно, — сказал он. — Пусть будет призрак. Хотя это стыд.

Бублик в это время влез под стол и что-то там грыз. Гриша заглянул под стол и застонал:
Бублик грыз его кроссовок.

— Бублик! Это же левый!

Бублик посмотрел на него с любовью и продолжил.

— Он у тебя правый уже сгрыз, — сказала Вера. — Он коллекционер.

— Он не коллекционер, он вредитель!

Гриша вытащил кроссовок из-под стола, осмотрел его и очень аккуратно поставил на полку, повыше. Бублик проводил его взглядом, полным надежды.

— Ладно, — сказала Маша. — Теперь версии. По-настоящему. Кто-то, Тимка, пиши.

Тимка уже прикусил карандаш.

— Версия первая, — сказала Маша. — Митрич сам всё это делает. У него есть ключ. Он старый, ему тяжело, ему нужны деньги, а фонари старинные. Он выносит их по одному и продаёт.

— Но зачем ему говорить, что пропал один, если пропали два? — спросил Севка.

— Потому что он хитрый. Он прячет второй пропавший. Чтобы никто не догадался, что он ворует сразу по два.

Севка подумал и кивнул.

— Логично, — сказал он. — Но неправильно.

— Почему неправильно?

— Потому что он расстроился. По-настоящему. — Севка пожал плечами. — Когда человек врёт, он смотрит не туда. Митрич смотрел на крюк. И он крякал.

— Он всегда крякает.

— Не всегда, — сказал Севка. — Но часто. Я посчитал: за десять минут — семь раз. Из них три — когда говорил про второй фонарь.

Все уставились на Севку.

— Ты считал, сколько раз старик крякнул? — спросил Лёшка.

— Ага.

— Ну ты и... — Лёшка искал слово. — Ну ты и Севка.

— Спасибо, — сказал Севка серьёзно.

— Версия вторая, — сказала Маша. — Дядя Гоша.

— Почему? — спросил Гриша.

— Потому что он первый сказал про призрака, — сказала Маша. — Я подумала: зачем человеку пугать весь посёлок призраком? Чтобы никто не ходил ночью к пристани. А если никто не ходит, можно спокойно делать что хочешь.

— Так это же он просто болтает, — сказал Гриша.

— А Бублик на него рычал, — сказала Поля.

— Бублик рычал на почтальона.

— Почтальон ему один раз на хвост наступил. Это навсегда.

— Версия третья, — сказала Маша. — Кто-то приезжий. Например, из города. У него есть ключ, который он подобрал, или он вскрыл замок и закрыл обратно. И он вывозит фонари на лодке.

— На лодке? — заинтересовался Тимка. — Это интересно. Если на лодке, то где он её ставит?

— У пристани.

— У пристани все лодки на виду.

— Ночью не на виду.

— Ночью тоже на виду, если ты стоишь на мостках.

Маша задумалась.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда ночью на мостках будет стоять кто-то из нас. — Она посмотрела по кругу. — Ночная вахта. Вера, ты самая быстрая. Если что — бежишь за помощью.

— Ясно, — сказала Вера. — Я побегу.

— Я пойду с Верой, — сказал Лёшка.

Все удивились. Лёшка никогда не вызывался первым.

— Почему? — спросила Маша.

— Потому что я не верю в это дело, — сказал Лёшка. — И хочу убедиться, что там ничего нет.

— А если там что-то есть?

— Тогда я первый скажу «я был неправ».

— «Нам придётся тебя спасать» — так ты хотел сказать? — уточнила Вера.

— Я хотел сказать «я был неправ».

— Хорошо. — Маша кивнула. — Я тоже иду. Тимка, Гриша, вы остаётесь у сарая, вы будете в резерве. Севка...

— Я пойду считать лодки, — сказал Севка.

— Что считать?

— Лодки. Сколько их у пристани вечером и сколько ночью. Если одна лишняя — вот тебе и вор.

Наступила тишина. Такая, что стало слышно, как в дальнем дворе лает чужая собака.

— Это, — медленно сказала Маша, — вообще-то гениально.

— Это просто считать, — сказал Севка.

— А что с Полей? — спросил Тимка. — Полю с собой брать?

Поля вся сжалась.

— Я... я могу. Я могу стоять на мостках. Я не буду бояться.

— Ты будешь бояться, — сказал Лёшка.

— Ну и что! Это не значит, что я не пойду!

— Поля, — сказала Маша, — ты останешься в резерве. Вместе с Бубликом.

— С Бубликом?

— С Бубликом. Он на тебя садится, значит, ты за него отвечаешь.

Поля посмотрела на Бублика. Бублик посмотрел на Полю. Поля вздохнула и согласилась.

— Только это не потому, что я трусиха, — сказала она.

— Это потому, что ты нужна в резерве, — сказала Маша.

— Вот именно.

— Голосуем, — сказала Маша. — Фасолины!

Гриша вытащил из кармана два кулёчка. В одном была белая фасоль, в другом — чёрная. У клуба было правило: белая фасолина — «за», чёрная — «против». Брали по одной, держали в кулаке, потом одновременно выкладывали на стол.

— Вопрос первый, — сказала Маша. — Начинаем расследование. Официально.

Семь кулаков поднялись над столом. Семь фасолин легли на доски.

Все семь были белые.

Бублик, конечно, попытался съесть одну и был отогнан.

— Вопрос второй, — сказала Маша. — Ночная вахта сегодня. Я, Вера, Лёшка. Севка считает лодки. Тимка и Гриша в резерве. Поля с Бубликом в резерве.

Шесть белых фасолин. Одна чёрная.

Все посмотрели на Гришу.

— Не хочу ночью, — сказал Гриша. — Ночью холодно. У меня в карманах не бесконечные носки.

— Ладно, — сказала Маша. — Принято. Остаёшься днём.

— Спасибо.

— И вот ещё что, — сказала Маша и обвела всех глазами. — С этого момента всё, что мы видим, записываем. Всё, что слышим, — тоже. Даже если кажется ерундой. Особенно если кажется ерундой.

Тимка поднял руку.

— У меня идея. — Он вытащил из-под стола коробку, а из коробки — велосипедный звонок, привязанный к проволоке. — Клубный звонок! Если кто-то из нас попадает в беду, он дёргает за проволоку, звонок звонит, и все бегут.

— А где проволока?

— Пока только тут, в сарае.

— То есть если ты попадёшь в беду в лесу, ты будешь бежать в сарай, чтобы позвонить?

— Ну... — Тимка задумался. — В лесу это будет версия два. Он будет у меня в кармане.

— Он подумал ещё немного. — Но звенит он громко. Я проверял.

Бублик при слове «звенит» немедленно заинтересовался. Тимка звякнул. Бублик подпрыгнул, залаял и попытался отобрать звонок.

— Вот! — гордо сказал Тимка. — Видите? Собака откликается. Значит, сработает.

— Значит, съест, — сказала Вера.

Вечером ребята разошлись по домам, а когда стемнело, снова собрались у пристани.

Сначала всё было хорошо. Река шла медленно, вода блестела, где-то на том берегу мычала корова, и это было так обыкновенно, что становилось почти приятно.

Лёшка сидел на перевернутом ящике и болтал ногой. Вера стояла, потому что не умела сидеть спокойно. Маша ходила по мосткам, считая шаги.

Время тянулось ужасно медленно. Поля бы сказала, что оно ползёт на брюхе.

Лодок у пристани вечером было одиннадцать. Севка записал в блокнот. В одиннадцать ночи он пришёл, посмотрел, тихонько сказал «одиннадцать» и ушёл спать, потому что уже собирался стать космонавтом и знал, что космонавтам нужно спать.

В двенадцать лодок стало десять: уехал старик с огорода.

В час ночи Валера, дядя Поли, подогнал свою надувную огромную лодку и привязал у мостков. Стало одиннадцать.

— Это дядя Валера, — сказала Поля, которая тоже пришла, хотя должна была быть в резерве. Она сказала, что просто не может. Маша сказала ладно.

В два ночи ничего не произошло.

В три ночи тоже ничего не произошло. Лёшка сказал, что пора домой, потому что настоящие воры тоже спят.

В половине четвёртого на пристани что-то было.

Не шаги. Что-то другое. Сначала далеко, где-то у склада, тихо-тихо скрипнуло. Как несмазанная дверь, только очень медленно.

Потом скрип повторился ближе.

— Слышали? — прошептала Поля.

Все слышали.

Поля схватила Машу за рукав и вцепилась так, что Маша ойкнула. Бублик прижался к Полиной ноге и тихонько заворчал.

На тропинке вдоль берега появилось белое пятно.

Оно двигалось. Плавно, медленно, беззвучно, и над ним было что-то тёмное.

— Это... — сказала Поля.

— Тише!

Пятно остановилось, покачалось и поплыло дальше, к складу. Скрип шёл за ним, будто кто-то тянул за собой ржавую цепь.

Бублик залаял — три раза подряд, громко, во всю мочь.

Пятно застыло.

А потом раздался звук, который никто из ребят не ожидал: тихое, дребезжащее шипение, как от старого радио, и голос — не человеческий, тянущий, тяжёлый:

— У-у-у-хо-о-о-ди-и-ите... у-у-у-хо-о-о-ди-и-ите...

Поля взвизгнула и спряталась за Севку, который ещё не ушёл.

Маша стояла, как вкопанная, и смотрела на белое пятно.

А белое пятно опустилось и исчезло.

Совсем. Как будто его не было.

Тишина. Только вода бьётся о мостки и где-то вдалеке лает собака.

Вера первая пришла в себя.

— Ясно, — сказала она.

— Да что тебе ясно? — прошипел Лёшка. — Там что-то было!

— Вот именно, — сказала Вера. — Было. И ушло. Пешком, а не растворилось. Пойдём посмотрим.

— Ты с ума сошла!

— Я пошла.

И пошла.

Они все пошли за ней. Даже Лёшка, хотя он подождал, пока все пройдут мимо, и пошёл последним.

На той тропинке, где стояло белое пятно, никакого пятна не было. Была трава. Были лужи. Была сломанная ветка.

И на влажной земле был след.

Не человеческий. Не собачий.

Два тонких круглых следа рядом, потом два других, на расстоянии шага.

— Это палки, — сказал Севка.

— Это не палки, — сказала Маша. — Это копыта.

— Это палки, — повторил Севка. — Копыта не оставляют ровных кружков. И палки скользят. Смотри, вот тут след съехал, тут человек чуть не упал. — Он посмотрел на них. — Кто-то ходил на ходулях.

Все уставились на кружки.

И тут Маша посветила фонариком ниже, на куст у самой воды. Среди веток висела нитка.

Оранжевая. Толстая. С узлом.

Узел был аккуратный, крепкий и очень странный: верёвка обвивала саму себя, как цифра восемь.

— Как это называется? — спросила Поля.

Гриша, которого все привыкли считать спецом по верёвкам, подошёл и присел.

— Восьмёрка, — сказал он. — Прямой узел, только петлёй. Моряки так вяжут. Или те, кто у моряков подсмотрел.

Маша достала из кармана платок, аккуратно сняла нитку с куста и положила в платок, как настоящий сыщик.

— Улика, — сказала она.

— Вот теперь, — сказал Лёшка, — вот теперь это уже даже не смешно.

Глава 4. Кто вяжет восьмёрки

Утром клуб собрался у ларька.

Не внутри — внутри было нельзя. Снаружи, у прилавка, как обычные покупатели.

Прилавок у Гоши был красивый. На полках стояли деревянные лодочки с бумажными парусами, свистульки в форме птиц, кружки с надписью «Сосновка», ложки, брелоки, магнитики и целая армия маленьких деревянных рыбок.

А ещё на каждом сувенире была верёвочка.

Оранжевая.

— Смотрите, — тихо сказала Вера. — Лодочка с восьмёркой. Свистулька с восьмёркой. Кружка с восьмёркой. Даже ложка!

Гриша взял ложку, повертел в руках и положил обратно.

— Это не улика, — сказал он. — Это товар.

— Гриша!

— Ну это же правда. Он эти восьмёрки, может, полгода вяжет. У него их двести штук.

— Вот и прекрасно, — сказала Маша. — Значит, оранжевая верёвка — его почерк. Как подпись.

Гоша вышел из подсобки, вытирая руки тряпкой, и заулыбался так, что Поля невольно отступила на шаг.

— О! Мои любимые покупатели! — сказал он. — Что берём? Свистульку? Или вот, смотрите, новая лодочка. Крашенная.

— Мы не покупаем, — сказала Маша. — Мы смотрим.

— Смотреть — пожалуйста. Смотреть бесплатно. — Гоша облокотился на прилавок. — Ну как там ваше расследование? Поймали призрака?

— Работаем, — сказала Маша.

— Работаете, — повторил он. — Молодцы. А знаете что? — Он понизил голос. — Между нами: Митрич вчера в магазине был. Купил бутылку... ну, эту, свою. И у него деньги были. Пятитысячная.

— Может, пенсия, — сказала Маша.

— Пенсия у нас в четверг, — сказал Гоша и поднял брови. — А сегодня среда.

Он засмеялся и пошёл к другому покупателю.

Ребята отошли к забору.

— Вот гад, — сказала Вера.

— Он не гад, — сказала Маша. — Он... — она поискала слово, — он слишком каждому ласковый.

— Это и есть гад, — сказала Вера.

— А что такое пятитысячная? — спросила Поля.

— Это бумажка, — сказал Гриша. — Большая. У мамы такая бывает в день зарплаты, и потом сразу не бывает.

— Почему?

— Потому что жизнь.

Тимка всё это время молчал. Он стоял у забора и смотрел на ларёк.

— Ребята, — сказал он вдруг. — А что если... А что если я зайду в подсобку?

— Нельзя, — сказала Маша.

— Я не говорю, что можно. Я говорю: а что если?

— Тимка, у нас есть план.

— У нас всегда есть план, — сказал Тимка. — Мне интересно другое: у нас есть план, а что мы по этому плану сделали?

Все замолчали.

— Ну, мы нашли нитку, — сказала Поля.

— Мы нашли нитку, — согласился Тимка. — А Гоша нашёл ящик яблок от Митрича, а Пал Палыч нашёл пирог. Все что-то находят.

— Чего ты хочешь? — спросила Маша.

— Я хочу внутрь, — сказал Тимка. — В подсобку. Там всё.

— Как ты туда попадёшь?

Тимка посмотрел на Гришу. Гриша посмотрел на Тимку.

— Нет, — сказал Гриша.

— Я ещё ничего не сказал.

— Ты посмотрел. Я такие взгляды знаю. — Гриша покачал головой. — Я не буду вскрывать замок. И не проси.

— А если я придумаю такой способ, где не надо вскрывать замок?

— Тогда я выслушаю.

— Ладно, — сказала Маша. — Пока — по местам. Гриша, узнай, сколько у Гоши в ларьке ящиков и как они стоят. Вера, посмотри, куда он ходит, когда закрывается. Севка...

— Я уже, — сказал Севка.

— Что «уже»?

— Посчитал. — Севка вытащил из кармана бумажку, сложенную вчетверо. — У Гоши в ларьке тридцать две лодочки, двадцать одна свистулька, восемь кружек и сорок ложек. Плюс брелоки, я их не считал, они мелкие.

— Как ты это посчитал? — изумилась Поля. — Ты же был снаружи!

— Там стены стеклянные и есть щель между полками, — сказал Севка. — И ещё он каждый день уносит из ларька какую-то большую коробку. Вчера унёс в двенадцать тридцать. Позавчера в двенадцать сорок. Сегодня, наверное, унесёт около половины первого.

— Куда уносит?

— Не знаю. — Севка пожал плечами. — Но коробка тяжёлая. Он её несёт двумя руками и немного боком.

— Боком?

— Когда тяжёлое — всегда боком.

Маша хлопнула себя по колену.

— Значит, так. Вера — беги, посмотри, куда он унесёт коробку. Тимка — иди, придумывай свой способ без замка. Гриша — стой у ларька и спрашивай про фонари. Только осторожно.

— А я? — спросила Поля.

— А ты со мной.

— Куда?

— К Митричу, — сказала Маша. — Мне не нравится, что Гоша про него говорит. Значит, надо узнать, что он делает со своими деньгами.

— А если это правда?

— Что правда?

— Что Митрич ворует, — сказала Поля.

Маша помолчала.

— Тогда, — сказала она, — я очень ошиблась. И я первая об этом скажу.

Вера уже не слушала. Она натянула кепку, поправила воротник и ушла с такой скоростью, будто у неё за спиной включился мотор.

К обеду все собрались в сарае.

— Ребята, — сказала Вера, влетая в дверь. — Ребята!

Она даже не могла отдышаться.

— Гоша понёс коробку, — сказала она. — И я пошла за ним. Он сначала шёл по улице, потом по тропинке, потом вдоль берега. А потом... — Она глотнула воздуха. — Потом он встал под водокачкой.

— Это где? — спросил Гриша.

— Ну где старая водокачка! За мостом, перед лесом. Она высокая, рыжая, вся ржавая!

— А, это, — сказал Гриша. — Её ещё обходят, потому что там кирпич падает.

— Во-от. Он туда вошёл. В дверь на первом этаже. У неё нет замка, только щеколда.

— Он вошёл, — сказала Маша, — а что с коробкой?

— И коробку унёс.

— А вышел с ней?

Вера замотала головой.

— Не вышел. Я ждала. Двадцать минут ждала. Он вышел пустой. Руки в карманах. Я спряталась в бурьяне, а он мимо прошёл и пел. — Она передразнила: — «Ой ты, речка, ой ты, Быстринка...»

— Значит, коробка осталась в водокачке, — сказала Маша.

— Или он её там спрятал, — сказала Поля.

— Или он её там не прятал, а просто оставил, — сказал Лёшка, который вошёл последним и сел на перевёрнутый ящик. — Там же у него, может, склад.

— Лёшка, — сказала Маша, — ты сегодня такой скучный.

— Я сегодня трезвый.

— Ты в прошлые годы тоже был.

— Ладно, — сказал Лёшка. — Я скажу то, что думаю. Мы полдня следили за человеком, потому что он улыбается. Это не дело, это шпионская игра. Может, у него в водокачке старые коробки. Может, он там свой ларёк в порядок приводит. Мы влезем, а нам потом скажут: вы чего?

Гриша, который всё это время молчал, вдруг поднял руку.

— У меня есть, — сказал он.

— Что есть?

— То, что было под ларьком. — Он полез в карман и вытащил бумажку. — Я подобрал, когда у прилавка стоял. Ветер нёс, она к моей ноге прилипла.

Это был обрывок газеты. Мягкий, грязный, с краю след от сырости.

Лёшка взял его осторожно и расправил на столе.

— Это газета, — сказал он.

— Гениально, — сказала Вера.

— Это газета, — сказал Лёшка, — и на ней дата. — Он поднёс обрывок к окну. — Двенадцатое августа. И год... — Он прищурился. — Ребята. Тут год. Прошлый год.

Тишина.

— Это ничего не значит, — сказал Лёшка. — Газеты лежат годами. В газету заворачивают рыбу, кружки, гвозди.

— Ну, — сказала Маша. — Гвозди.

— Гвозди.

Тимка уже что-то чертил в блокноте.

— А что если, — сказал он, — бумага лежала в ларьке не просто так? Что если её кладут под мокрое? Когда что-то красят или... или из чего-то лепят?

— Из чего лепят? — спросила Поля.

Тимка поднял голову.

— Из гипса, — сказал он. — Гипс сохнет, и под ним должна быть бумага, чтобы на прилавки не капало. Или чтобы от пола не отдирать.

— Тимка, откуда ты знаешь?

— У меня брат гипсовал стену в ванной. Он всё в газету застилал. Потом полдня отдирает.

— И что?

— И ничего. Целый вечер отдирает.

Лёшка медленно положил обрывок на стол.

— То есть, — сказал он, — в ларьке что-то делают из гипса.

— Или что-то из гипса там лежит, — сказал Тимка. — Но зачем?

Вера выпалила:

— Фонари!

— Что фонари?

— Фонари! — Вера вскочила. — Вас же двое отправили за белой крошкой. Под полку.

Тимка, ты сам сказал: похожа на гипс! А что если фонари не просто воруют? А что если их подменяют?

Маша встала очень медленно.

— Подменяют, — повторила она. — Значит, в складе стоят не фонари. А гипсовые фонари, покрашенные.

— И их шесть, — сказал Севка. — А седьмого нет.

— Потому что седьмой ещё не сделали! — крикнул Тимка.

— Или потому что седьмой уже продали, — сказала Вера.

Бублик, почувствовав общее волнение, забежал под ногами и попытался принести кому-нибудь палку. Палку ему никто не дал, и он принёс с полки кроссовок Гриши. Гриша забрал кроссовок и спрятал его за пазуху.

— Ну что, — сказала Маша. — Голосуем. Мы идём к водокачке за коробкой?

Фасолины легли на стол: шесть белых, одна чёрная.

— Всё понятно, — сказала Вера.

— Лёшка, — сказала Маша, — а можно вопрос? Ты против, а ходишь.

— Я хожу, — согласился Лёшка. — Потому что если вы без меня ползёте, вы же влезёте не туда. Или через крышу. Или ещё как-нибудь.

— Спасибо, — сказала Маша.

— Это не спасибо, это ответственность.

— Всё равно спасибо.

Они вышли из сарая, когда уже смеркалось. Над рекой стоял розовый свет, и комары висели над тропинкой таким плотным облаком, что его было видно.

До водокачки было около двадцати минут быстрым шагом. По дороге они прошли мимо ларька — закрытого, с железным ставнем и навесным замком.

А у самого поворота Поля вдруг остановилась.

— Смотрите, — сказала она.

На двери ларька, мелом, кто-то написал цифру.

«6».

Большую, кривую, косую шестёрку кверху ногами.

— Как у нас на сарае, — сказала Поля. — Только у нас семь.

— Это не наша, — сказала Маша.

— Знаю. — Поля смотрела на шестёрку. — Но кто-то её написал сегодня. Тут только что было пусто. Я видела утром.

— Может, ребята играли, — сказал Гриша.

— Нетипично, — сказал Севка.

— Ты теперь всё непонятное будешь называть нетипичным? — спросил Лёшка.

— Я буду называть так то, чего не встречалось раньше.

Севка подошёл к двери и посчитал мазки мелом.

— Шесть, — сказал он. — Смотрите, сколько раз вели мел. Шесть раз. Это перечёркнутая единица или цифра шесть.

— А может, это просто 6, — сказала Вера. — Нам-то что?

Маша подумала.

— Нет, — сказала она. — Это не просто 6. Это число. И оно про фонари. Пять у нас, и еще два? Или пять уже увезли?

Все молчали.

— Ну, — сказал Тимка, — в общем, загадка. Записываю.

Он достал блокнот, перелистнул и вдруг выпрямился.

— Ребята. У меня первая страница пропала.

— Какая страница?

— Первая. Где я записал утреннее. Про Гошу и про пяти тысячную. Она была. Я помню, я её даже подчеркнул.

Тимка показал блокнот. На месте первой страницы остался край с зубчиками и две тонкие линии.

— Кто-то вырвал, — сказала Поля.

— У меня блокнот всегда с собой! — крикнул Тимка. — Всегда!

— Когда ты его оставил? — спросила Маша.

Тимка задумался.

— Когда мы у ларька стояли, — сказал он. — Я его на перила положил, потому что ко мне Бублик лез и ручки у него были липкие.

Бублик, в ответ на своё имя, радостно застучал хвостом.

— Значит, кто-то взял, — сказала Маша.

— Значит, кто-то читал, — сказала Вера.

— Значит, — сказал Лёшка, — у нас в деле уже не просто вор. У нас кто-то, кто следит за нами.

Глава 5. Водокачка

— Стой! — прошипела Маша. — Всем стоять.

Все и так стояли. Стояли в бурьяне по грудь, в темноте, за двести шагов от водокачки, и у всех было одно и то же лицо — «а может, не надо».

Водокачка торчала над берегом, как старая башня. Рыжая от ржавчины, кривая, с бочкой наверху, обмотанной железными обручами. Кирпич местами вывалился, и в стенах были дыры, как в зубах.

Луна светила ярко, и на земле лежали чёрные тени.

— Вон дверь, — сказала Вера. — Видите? Первый этаж, слева. Щеколда.

— Я вижу, — сказала Маша.

— Я тоже вижу, — сказала Поля. — И мне не нравится, что я её вижу.

— Почему?

— Потому что она открыта.

Все присмотрелись.

Вера ругнула себя за то, что не заметила: дверь была приоткрыта на ладонь, и в темноте за ней было чуть светлее, чем сама темнота.

— Может, там Гоша, — прошептал Гриша.

— Может, там никто, — сказал Лёшка. — И мы пойдём и просто посмотрим.

— А может, там кто-то другой, — сказала Вера. — Который вырвал лист из блокнота.

Тимка судорожно вцепился в блокнот двумя руками.

— План, — сказала Маша. — Слушайте план. Вера, Севка и Гриша остаются снаружи у двери. Вера смотрит на тропу, Севка считает шаги, Гриша держит...

— У меня есть верёвка, — сказал Гриша.

— Держит верёвку.

— Всегда есть верёвка.

— Я, Лёшка и Тимка идём внутрь. Тимка светит. Лёшка... Лёшка смотрит.

— Я иду первый, — сказал Лёшка.

— Почему ты?

— Потому что мне двенадцать, и если там что-то рухнет, то рухнет на меня.

— Хорошо. Ты первый. Я за тобой. Тимка сзади.

— А я? — спросила Поля.

— Ты с Гришей.

— Но там же может быть страшно!

— Вот именно. Если тебе там страшно, то кто-то должен остаться снаружи и быть смелым. Это самая важная работа.

Поля подумала и кивнула.

Бублик, конечно, пошёл со всеми. Бублик не знал, что у кого-то бывают разрешения.

Они подошли к двери.

Лёшка толкнул её. Дверь отворилась со вздохом.

Внутри пахло керосином, краской и немножко — ванилью.

Поля, которая стояла снаружи, вдруг крикнула:

— Сухари! Это сухари!

— Тише ты!

— Это сухари Гоши. Они у него всегда тако-о-о пахнут!

Внутри было одно большое помещение, и в нём — лестница с железными ступеньками, уходящая вверх, к бочке. Ступеньки были все в подтёках.

Тимка посветил телефоном.

— Ого, — сказал он.

У стены стоял стол. На столе — ведро, банка, кисть, тряпки и большая картонная коробка. Та самая. С раскрытыми клапанами.

Лёшка подошёл, заглянул и выпрямился.

— Ребята, — сказал он странным голосом. — Тут фонарь.

Внутри, на смятой газете, лежал фонарь. Железный, с дверцей, с колечком сверху.

— Настоящий? — спросил Тимка.

Лёшка протянул руку, взял за колечко и поднял.

Фонарь был очень лёгкий.

Слишком лёгкий.

Он поднял его к свету — и все увидели, как тонко, бледно, матово просвечивает на телефоне стекло. И как ровно, слишком ровно, был покрашен корпус. И как под краской на дне что-то белело — поцарапанное, шершавое.

— Это гипс, — сказал Тимка. — Это гипсовый фонарь. Покрашенный.

— Как... — Маша не закончила.

— Как отливка. Он сделан из формы.

Поля, которая всё-таки вошла, потому что не могла стоять снаружи, посмотрела на фонарь и сказала:

— Значит, он вынимал настоящие и ставил эти.

— А настоящие? — спросил Гриша.

— Настоящие он куда-то уносит.

— Или продаёт, — сказала Вера.

— Или продаёт, — согласилась Маша.

Тимка уже шарил по столу.

— Вот! — крикнул он. — Смотрите!

Он держал банку, в которой была серая каша. И лежал рядом кулёк: белый, тонкий, похожий на муку, но не муку. Гипс.

— Тут делают заготовки, — сказал Тимка, и голос у него был совсем взрослый. — Вот форма. — Он вытащил из-под стола кусок дерева с вырезанным углублением. — И краска. Золотая. И ещё чёрная.

— Почему золотая? — спросила Поля.

— Потому что фонари были золотистые. Видели, какие они в складе? Железные, но с золотым блеском. Старинные, наверное, когда-то красили.

— А зачем чёрная?

— Чтобы сделать старое. — Тимка макнул палец в банку и растёр чёрное по краю. — Смотрите, если взять немножко чёрной и растереть по золотой, будет грязно, будто фонарь висел десять лет.

Все замолчали.

Лёшка поставил гипсовый фонарь обратно в коробку очень аккуратно, как больного.

— Это не совпадение, — сказал он тихо.

— Что?

— Это не совпадение, — повторил он громче. — Я признаю. Это не совпадение. Кто-то делает подделки и ставит их в склад вместо настоящих фонарей.

Бублик обнюхала угол, вдруг заскулила и уставилась вверх, на лестницу. Шерсть у неё на спине встала дыбом.

— Там кто-то есть, — прошептала Поля.

— Это бочка. Ветер, — сказал Лёшка.

Бублик залаял. Три раза. И наверху что-то стукнуло.

Стук был негромкий. Так стучит по металлу что-то маленькое и тяжёлое, когда его пере-
кладывают.

— Там кто-то есть, — сказала Поля уже не шёпотом.

Лёшка посмотрел на лестницу. Лестница уходила вверх, к люку.

— Мы уходим, — сказала Маша.

— Мы только что пришли.

— Лёшка, там наверху человек. Нас трое мальчиков, три девочки и собака, у нас ничего нет, кроме телефона и перочинного ножа. Мы уходим.

— Правильно, — сказала Вера снаружи. — Уходим.

И тут наверху стукнуло сильнее, и с другой стороны, и третий раз.

Маша показала рукой на дверь. Все двинулись.

И в этот момент дверь закрылась.

Не со скрипом. Не по одному волоску. Она просто закрылась — быстро, коротко, как крышка. И щеколда на ней щёлкнула снаружи.

— Эй! — крикнул Лёшка. — Эй!

Он подбежал и налёг на дверь. Дверь не поддалась.

— Открывай! — заорал он и забарабанил кулаком.

Тишина.

— Ребята! — крикнула Маша. — Вера! Гриша! Севка!

За дверью был слышен бег. Быстрый, удаляющийся бег по траве.

— Они убежали, — сказала Поля совершенно спокойно. Так спокойно, что всем стало хуже.

— Вера бы не убежала, — сказала Маша.

— Она за ним побежала, — сказал Тимка. — Она всегда бежит за тем, кто бежит.

— Да, — сказала Маша. — Наверное.

Лёшка ещё раз ударил в дверь, потом отошёл.

— Заперты, — сказал он ровно. — Нас заперли.

Тимка посветил телефоном на стену.

— Тут щеколда, — сказал он. — Снаружи. То есть задвижка снаружи, а ручки внутри нет. Мы не откроем.

— А окна?

— Смотрите.

Окон внизу было два. Оба маленькие, оба под самым потолком, оба с толстой сеткой из проволоки.

— Нет, — сказала Поля. — Нет, нет, нет.

Она села на пол — прямо там, где стояла.

— Поля, — сказала Маша. — Поля, встань.

— Я не могу. У меня ноги перестали.

— Это ничего. Это бывает.

— У меня сердце как лягушка.

— У всех как лягушка. — Маша присела рядом. — Слушай мою команду. Ты сейчас достаёшь свой фонарик.

— У него батарейка села.

— Тогда ты сидишь и держишь Бублика. Это самое важное. Бублик без тебя истерит.

Бублик без малейшего признака истерики с интересом обнюхивал картонную коробку.

Поля обняла его и уткнулась носом в его тёплую шею.

— А что если это не человек? — сказал Тимка.

— Тимка, — сказал Лёшка. — Не начинай.

И тут наверху, прямо над ними, раздалось шипение. То самое, дребезжащее, хриплое:

— У-у-у-хо-о-ди-и-ите...

Поля взвизгнула. Бублик залаял. Гриша — то есть не Гриша, его тут не было — Лёшка отскочил от лестницы и схватил со стола кисть. Маша встала перед Полей.

А Тимка не отскочил.

Тимка стоял и смотрел вверх.

— Это не голос, — сказал он вдруг.

— Что?

— Это не голос, — повторил он громко. — Это... это запись. Слушайте, как оно шуршит на концах. У живого человека не шуршит. Это динамик.

Он поднял телефон.

— И ещё. Смотрите, где провод.

На стене, вдоль лестницы, тянулась тонкая серая линия. Провод.

Тимка пошёл по нему. Провод шёл вверх по ступенькам, огибал перила, уходил в темноту под люком.

— Это радио или магнитофон, — сказал Тимка. — Его сюда принесли, чтобы пугать. Чтобы никто не залез.

— Чтобы никто не залез, — медленно повторила Маша. — И мы залезли.

— И нас заперли, — сказал Лёшка.

— И теперь мы тут сидим, — сказала Поля.

Стало очень тихо.

Тимка сел на ступеньку.

— Мы можем стучать, — сказал он. — Просто стучать и ждать, пока нас кто-нибудь услышит.

— До посёлка двадцать минут, — сказала Маша.

— Вера вернётся, — сказал Лёшка. — Она побежала за ним. И если она вернётся и попадёт в беду, это будет моя вина, потому что это я пошёл первым и оставил её одну.

— Она не одна. С ней Севка и Гриша.

— Гриша стоит в бурьяне и держит верёвку. Это не помощь, это мебель.

Поля вдруг подняла голову.

— Севка, — сказала она.

— Что Севка?

— Севка не побежит за Гошей. — Поля вытерла нос. — Севка будет считать. Он всегда считает. И посчитает, что мы не вышли. И поймёт, что мы заперты. — Она всхлипнула и улыбнулась одновременно. — Он же посчитал, что фонарей шесть.

Маша посмотрела на неё, и в её глазах что-то изменилось.

— Ты права, — сказала она. — Ты совершенно права.

Прошло двадцать минут. Потом ещё двадцать. Они сидели в темноте и экономили батарею.

Лёшка ходил вдоль стен и стучал согнутым пальцем.

Поля держала Бублика.

А Тимка всё смотрел наверх.

— Я хочу посмотреть на лестницу, — сказал он.

— Нет.

— Там точно никого нет. Там динамик.

Лёшка молча поднялся.

— Я с ним. Если он полезет один, он что-нибудь уронит и убьёт нас всех.

Они пошли вверх. На седьмой ступеньке скрипнуло так, что даже Бублик поднял голову.

На площадке под люком стоял старый чемодан, а на чемодане — магнитофон. Тяжёлый, с двумя круглыми кружками кассет, и от него шёл провод: через перила, вниз, к стене и в дырку в кирпиче.

— Провод выходит на улицу, — сказал Лёшка. — Значит, включают снаружи.

Тимка присел и нажал кнопку.

— Кассета дошла до конца. Вот почему больше не говорит.

Он нажал перемотку. Магнитофон затрещал.

— Не надо, — сказал Лёшка.

Но было поздно: из динамика снова раздалось:

— У-у-у-хо-о-о-ди-и-ите...

— Ага! — Тимка победоносно поднял палец. — Это кассета! Просто кассета!

Бублик снизу залаял, и от неожиданности Тимка дёрнул рукой. Магнитофон поехал с чемодана и с грохотом упал на ступеньки.

— Тимка!

— Я не виноват!

— Ты всегда не виноват!

Кассета упала к Полиным ногам. Поля посмотрела на неё и засмеялась — не от радости, а потому что было страшно и стало смешно.

— Мы тут сидим, — сказала она сквозь смех, — в запертой башне. Нас запер какой-то жулик. А мы разломали его магнитофон. Ужас.

И тут снаружи раздалось:

— Эй! Эй, вы там!

Это был голос Севы. Тонкий, спокойный, совершенно не похожий на голос спасателя. Но это был лучший голос в мире.

— Севка! — заорали все.

— Я вас посчитал, — сказал он через дверь. — Шесть шагов внутрь, ни одного обратно. Вера сказала, что никого нет. Я сказал, что вы заперты. Вера побежала к Пал Палычу. Гриша пошёл с ней. Я остался.

— Севка! — крикнул Лёшка. — Там щеколда снаружи. Открой!

За дверью завопили. Потом что-то заскребло. Потом послышалось сопение.

— Не получается, — сказал Севка. — Она замотана проволокой.

— Какой проволокой?

— Обычной. В два оборота. И узел. — Пауза. — Хороший узел.

— Гриша! — закричала Поля. — Где Гриша?

— Гриша ушёл с Верой.

— Плохо.

— Я тоже так думаю, — сказал Севка. — У него нож.

Все застонали.

— Кусачки, — сказала Маша. — Пал Палыч принесёт кусачки.

— Он придёт, — сказал Севка. — Вера бежит в три раза быстрее меня.

И тут Поля встала.

— Мы внутри, — сказала она. — А окно — маленькое. Но не такое уж и маленькое.

Все посмотрели на окно под потолком. Оно было с сеткой.

Тимка вдруг выпрямился.

— А если, — сказал он медленно, — не в окно. А через коробку.

— Что?

Он подбежал к столу и схватил картонную коробку.

— Слушайте. Проволока на щеколде. Мы не можем её размотать снаружи. Но мы можем... — Он высыпал из коробки газету и фонарь. — Мы можем просунуть вот это в щёлку

между дверью и рамой. Дверь железная, но щёлка есть. И если просунуть что-то гибкое, можно нажать на рычажок щеколды изнутри.

— Чем?

Тимка посмотрел на Гришину полку. Потом на стену. Потом на Бублика.

— Ведро, — сказал он. — Тут есть проволока от магнитофона. Она уже испорчена. Мы можем её снять и сделать крючок.

— Провод! — Маша вскочила. — Тимка, ты гений!

— Я знаю, — сказал Тимка скромно. — Только обычно не вовремя.

Они работали двадцать минут.

Лёшка с Тимкой сняли провод со стены и обрезали его Машиными ножницами из пенала. Тимка согнул конец крючком. Маша держала дверь, чтобы та не стучала. Поля светила.

— Ещё раз, — сказал Лёшка.

Тимка просунул провод в щёлку.

— Влево. Ещё влево. Стоп.

— Я чувствую щеколду!

— Тяни.

Щёлк.

Дверь дрогнула.

— Тяни!

Щёлк — и дверь поддалась, и в башню ворвался воздух, ночной, холодный, с запахом реки, и снаружи стоял Севка с камнем в руке, готовый кого-то спасти.

Поля вылетела первой и упала на траву.

Потом вышли остальные. Тимка вышел очень важно, с проводом в руке, как с мечом.

— Двадцать две, — сказал Севка.

— Что двадцать две?

— Двадцать две минуты, пока вы вышли. Я считал.

— И что?

— Ничего. я теперь знаю, сколько времени мы можем без взрослых. — Севка подумал.

— Двадцать две минуты. Это мало. Надо учиться быстрее.

Вдалеке по тропинке уже бежали трое: Вера, Гриша и Пал Палыч с фонарём и кусачками.

— Мы сами открылись! — крикнул им Лёшка.

— Ну вот и хорошо. Кусачки хоть пригодились — я их для рыбы ношу.

И только потом, уже у пристани, когда все успокоились, Вера сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.